

КАК НА ПРАЗДНИК, спектакли иванские колхозники в областной центр на премьеру новой пьесы Валентина Овечкина «Навстречу ветру». По верному ссенсему бездумно пробирались машины в Курск почти из-под Львова. Люди готовы были потягаться на ветру, в открытом кузове бота ста километров, лишь бы увидеть...

Что же они увидели?

Да ведь это явось и не пьеса — последний полет сил и скитаний и называет ее «драматический очерк», «сценический репортаж» или еще как-нибудь, только бы отодвинуть подальше произведение В. Овечкина от драматургического театра.

И пьеса! Но почему тогда герои разговаривают таким живым, таким подкупающе точным народным языком? Откуда взялись наприжение, накал драматизма, которые все время орудуют на сцене? Как возникли тогда волнения и душевный полет зрителей, которые разглагольствуют, заставляя зрителей следить за развитием событий с неподдельным интересом?

История спектакля поучительна. Театр не взял пьесу голубовской и думал, что это будет протекторский вариант до сценариста и редактора. Допишная и переписывая многие сцены, писатель шел на передельный шаг потому, что театр действительно нецензурно, с чужой запиской, перепишет пьесу.

За неприхотливостью на первый взгляд, будничным ее содержанием он радовал и поэзию, и глубину философского конфликта.

При неубоком и недальновидном подходе пьесе «Навстречу ветру» в глазах зрителей, по крайней мере, только как сценическому публицистике. К счастью, постановщик спектакля И. Резников не поддавался соблазну такого утилитарного прочтения. В фокусе внимания театра — человек колхозной культуры, люди душою, исканиями, борющиеся.

И не случайно колхозники, смотря спектакль, в каждом персонаже узнают своих знакомых. Зрителям кажется, что действие развертывается именно в их районе. Пьеса не только не раздражает, но и каждая реплика, так заинтересованно обсуждают в антракте: «Добьется ли правды коммунист Андрей Глебов? Не одолеет ли его опасный дедоват Лошаков? Куда заведет Андрея его неудачная любовь к агроному Вере?»

Содержание пьесы захватывает и увлекает потому, что оно рождено самой жизнью. Валентин Овечкин прекрасно знает сегодняшнюю деревню, и в основу сюжета он положил недвусмысленно историю по той, как инженер Глебов и первый в своей машинно-тракторной станции добивается передачи техники колхозам. Как его новаторское предложение встречает бешеный отпор со стороны противника новизны машинной. Как на этом конфликте проверяются люди. Одни, почувствовав правду в дерзких замислах Глебова, решительно становятся на его сторону, а их числа и бригадир Степан Романович, и тракторист Федор Карасев, а за ними и все лучшие люди станции.

Другие, вроде злопыхателя Лошакова, любимыми средствами пытаются преградить дорогу смелой реформе. Лошаков создает «дело Глебова», протаскивает сомнительную статью на страницах местной газеты. Кое-кто это «дело» отпугивает от Андрея. Тяжело переживает он потерю друга, больно ранит его вероломство любовной женщины. Но друзья познаются в беду. И в роковую для героя минуту происходит своеобразное «испытание на разрыв». «Дело Глебова» рвется кого герой может назвать своим настоящим другом, кто, пусть не сразу, пусть после колебаний, но все же идет с ним, а не против него.

И тут возникает многие неожиданный.

Вот, например, Виктор Петрович Соловьев — бригадир парторга. Хороший он человек, умный, отчужденный. И артист А. Буренок показывает его мягким, безбидным, чутким по отношению ко всем людям. Но не слышим ли он безобиден? Нейтралитет в идейном спор — не наилучший вариант. Ведь Соловьев понимает, что Глебов, он оскудевает ему всей душой, но поднять свой голос в его защиту либо не решается, ли-

Ветер нам дует в лицо

иляч и весельчак (А. Пошеуев), и рабниной почтой Семен Ильич (В. Неласов) — все они ведут себя достаточно правдиво. Но это правда маленькая, бытовая. Дома разговоры по частным поводам утомляют, замедляют заглянуть. Но когда эти же люди вступают в борьбу, когда они начинают действовать, когда они становятся активными и ревностными поборниками Глебова, тогда и начинается их настоящая жизнь в спектакле, только тогда правда Глебова поднимается до правды художественной.

Заволаванность и поэзия неразделимы в этом спектакле. И как только спадает накал мыслей и чувств, нарушается его поэтическая атмосфера. И очень обидно, что в решающей сцене партийного собрания режиссер не сумел накалить страсти. Слишком уж академична эта картина.

Подобное разведение ощущается и в декорациях художника В. Москаленко. Как хороши его деревенские пейзажи! И пейзаж, озаренный утренним солнцем, и ночная сельская улица так и дышит свежестью и прохладой. И многие артисты, амплоуры при открытии занавеса, восхищаются: «Да это же наше село!»

Но как только действие переносится в контур, исчезает поэзия, а следовательно, и правда. На сцене «натуральной» павильон, выдвинут в десятках других постановок. Обидно! Спектакль можно было бы уберечь от штампов, которые нет-нет, да и прорвутся кое-где.

От красно-кирпичного здания театра по размытым машинам Ульяна разбегается шаши, ушанки, кепки. Не утхают оживленные споры. Возвращаются в свой район трактористы, полеводы, доярки, птичники. Они увозят с собой не только впечатления от спектакля, но и новый заряд энергии — стимул к борьбе. Его подарил им театр.

Можно спорить, правомерна ли публицистика в театре и законы эти, законы драматургии. Но никто не станет спорить с тем, что в делах искусства лучший судья — зритель. А зритель признал спектакль и оценил его по заслугам. И это главное!

Ю. ГРАЧЕВСКИЙ.

КУРСК

бо спитает его предостережением при своей «обеспрятности» публицистическому театру.

Тут театр поднимает принципиально важный вопрос — каким должен быть подлинный партийный художник? Наверное, прежде всего Глебов — коммунист, уже не обурет Соловьева своим вожаком, они найдут более творческую, более стойкую натуру.

«Осторожно!» и Шубина, директор МТС. Но правильно поступил артист И. Скарлато, что не чернит его. Шубина в его трактовке привлекательна и симпатична, душевный, общительный человек, полезный и опытный организатор. По заслугам его уважают и любят рабочие. Но порой (как в «деле Глебова») ему не хватает дальновидности и самостоятельности. Чужж, и так бывает. И очень верно, что театр в трактовке и Соловьева, и Шубина не прибегает к сатирическим краскам: в данном случае они были бы неуместны. Случае этих персонажей — история людей порядочных и честных, но в идейно-политическом отношении, без грубых правдоподобных приемов, исполнители этих ролей сумели убедить нас, что их герои — люди живые, чужж встречались бы на выезде партия, бы делить знания, политическое, но не желаем прощать им пусть немногие, но заметные слабости.

Поверив в подлинность персонажей, зрители уже не могут не волноваться за их судьбу. Конечно, колхозники, переполненные злым театром, отрицают, отрицают, но сердечный спор о передаче трактора и другой техники решен жизнью в пользу героя. Но борьба Глебова с Лошаковым, а вернее, Глебов с Лошаковым, нет-нет, да и вылетает из виду, вылетают из виду отсылок нашей жизни, и по самым различным поводам.

Кто же такой Лошаков? Исполняющий эту роль артист В. Яковлев нашел для характеристики Лошакова на редкость меткие черточки: скрипящий голос, пошляк, отчужденный взгляд, выходящий из рамок. Разговаривает Лошаков тоном категорическим, не терпящим возражений. Его признание: Рабобобов, облизать, вымозживать, ставить под сомнение новаторские замыслы тех, кто смело заглядывает вперед, кто действительно искренне мечтает о народном благе, для кого честность и партийная принципиальность — линия всей жизни.

Андрей Глебов — передовой человек нашего времени. Артист М. Аленцев передает силу и душевный настрой своего героя. Его Андрей красив не только потому, что он статен, ширококост, что у него ясный взор, подкупающая улыбка. Глебов — Аленцев красив не только внешне, все по сути вызывает восторг и уважение, желание подражать, быть таким принципиальным, как он. Это положительный герой драмы, но показан он без лакировки. Глебов — Аленцев бывает и резким, подчас грубым, но и эти свойства подчеркивают его силу.

И все же борьба его трудна. Ведь лошаковы умею использовать отсталость отдельных лиц, леность мысли, привычку жить по инерции, а то и трусость, равнодушие, боязнь нового из опасений как бы чего не вышло.

Отход от незримых «союзников» Лошакова театр умело находит и выносит на всеобщее обозрение. Вот один из них, тот, кто стремится утомить, успокоить, смирить, признать к молчанию Андрея Глебова. В спектакле эта тема выдвинута в дух драматической коллизии Андрей—Вера. Женщина становится на пути героя. Женщина очаровательная, красивая, возможно, и любящая, но... ограниченная. Что же это за любовь, которая не окрыляет человека, а стремится укротить его? Бывает, конечно, и такая любовь. Вера жаждет одного — благополучия. Это не означает, что речь идет только о благополучии материальном. Театр раскрыл тему глубже. Вера важно судить Андрея (а, значит, и себя) от интриганской, предвзвешенной. Она идет любви спокойной. И артистка М. Катина именно в этом видит линию борьбы своей героини за будущего мужа. Ее Вера — так общепонятна, она так любима, таким абстрактным взглядом смотрит на Андрея, что трудно разгадать за этим подвох. Верное решение! Если зритель Веру

изяче, если читать ее сразу же разоблачать, это поверит, что умный и провидательный Андрей мог попасть в те сети!

А сети расставлены хитро. Вера известна многим слабости человеческой натуры. «Был ты один, ничего не боялся, рисковал. А будем вместе — семья ответственность... Но такая справедливая любовь не нужна Андрею». Он рвет сети и рвет их с болью. Драма? Да, драма, и нелегка. Но жизнь вперед. Человек идет на встречу ветру и счастья оттого, что свежий ветер дует ему в лицо! «Я найду свою мечту», — это звучит как девиз героя. И больше того — как девиз автора.

Допишная пьеса, автор нашел отличную смысловую точку в финале — разговор о нерности. Герой высказывает доброй женщине свою самую сокровенную мысль. Вера в целомом прерывает. Без нерности нет любви, без нее невозможно ни жить, ни бороться, ни трудиться, ни творить.

В этом выводе — поэтический смысл новой пьесы В. Овечкина, художественно выраженный в спектакле Курского театра. И на этот раз генеральная тема писателя, проходящая через все его произведения, нашла новое, неожиданное продолжение. Спектакль получился по-настоящему злободневный. Потому так горячо, так пристрастно принимают его зрители.

Но все ли увиденное на сцене можно принять без оговорок? Закрыть глаза на недостатки в целом удачного произведения было бы неверно.

Театр силен там, где будничное поднимает до поэтического, где споры приобретают силу обобщений. Но не всегда это удается. Есть и такие сцены, где сугубо прозаическое течение жизни так и не поднимается до вершин поэзии. Таково начало спектакля.

«Полевой стан». Достоверность атмосферы. И люди на сцене вроде живые: и бригадир Степан Романович, ветеран колхозной строй (Н. Ульянин), и тракторист Федя,

Совetskaya Veshnyuzh
18. IV. 59